

Региональная политика на приграничных территориях: трансформация целеполагания в условиях новых вызовов

Ирина Валерьевна Измалкова¹✉, Юлия Владимировна Вертакова²

¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (Липецкий филиал), Липецк, Россия, izmalnova.02@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8435-2780>

² Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Россия, vertakova7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1685-2625>

Аннотация

Цель. Проанализировать процесс трансформации целеполагания в региональной политике на приграничных территориях Российской Федерации (РФ), происходящий под влиянием геополитической турбулентности, санкционного давления и реформирования внешне-экономических связей.

Задачи. Выявить этапы эволюции целеполагания в региональной политике приграничных территорий; определить ключевые факторы, формирующие новый контекст их функционирования; разработать типологию приграничных регионов РФ для дифференциации задач региональной политики в условиях новых вызовов.

Методология. Исследование проведено с использованием системного подхода, историко-генетического метода и компаративного анализа. Критический анализ подходов, представленных в современной научной литературе, позволил обосновать необходимость отказа от унифицированных моделей региональной политики в пользу дифференциации задач в зависимости от типологических характеристик приграничных регионов.

Результаты. В работе выделено три этапа эволюции целеполагания: выравнивание (1990-е — начало 2000-х гг.), стимулирование (середина 2000-х — 2020-е гг.) и современный этап адаптации к новым вызовам. Систематизированы ключевые факторы трансформации, включая геополитическую турбулентность, разрыв кооперационных цепочек, цифровую трансформацию, институциональную неопределенность и социальные факторы. Предложена авторская типология приграничных регионов (интеграционный, адаптационный, изоляционный типы), основанная на анализе характера связей территории с внешним миром.

Выводы. Эффективная региональная политика в новых условиях требует не смены инструментов, а переосмысления целей. В противовес унифицированным моделям обоснована необходимость дифференциации задач в зависимости от типа приграничного региона. Для интеграционных регионов приоритетом являются сохранение и трансформация связей, для адаптационных — гибкость и способность к перестройке, для изоляционных — поиск внутренних источников развития. Полученные результаты могут служить основой для корректировки стратегий развития приграничных регионов и совершенствования механизмов государственного регулирования.

Ключевые слова: региональная политика, приграничные регионы, целеполагание, трансформация, новые вызовы, типология регионов, экономическая безопасность

Для цитирования: Измалкова И. В., Вертакова Ю. В. Региональная политика на приграничных территориях: трансформация целеполагания в условиях новых вызовов // Экономика и управление. 2026. Т. 32. № 5. С. 560–569. <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2026-5-560-569>

© Измалкова И. В., Вертакова Ю. В., 2026

Regional policy in border territories: Transformation of goal setting in the context of new challenges

Irina V. Izmalkova^{1✉}, Yulia V. Vertakova²

¹ *Financial University under the Government of the Russian Federation (Lipetsk Branch), Lipetsk, Russia, izmalkova.02@mail.ru✉, <https://orcid.org/0000-0001-8435-2780>*

² *Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, vertakova7@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1685-2625>*

Abstract

Aim. This study analyzes the transformation process of goal setting in regional policy on the border territories of the Russian Federation (RF) occurring under the influence of geopolitical turbulence, sanctions pressure, and the reshaping of foreign economic relations.

Objectives. The study identifies the stages of evolution of goal setting in regional policy on border territories; determines the key factors shaping the new context of their functioning; and develops a typology of the RF's border regions for differentiating regional policy tasks in the context of new challenges.

Methods. We use a systems approach, the historical-genetic method, and comparative analysis. A critical analysis of approaches presented in the current scientific literature substantiates the need to abandon unified models of regional policy in favor of differentiating tasks depending on the typological characteristics of border regions.

Results. We have identified three stages in the evolution of goal setting: equalization (1990s — early 2000s), stimulation (mid-2000s — 2020s), and the current stage of adaptation to new challenges. The study systematizes the key factors of transformation, including geopolitical turbulence, the disruption of cooperation chains, digital transformation, institutional uncertainty, and social factors. The author proposes a typology of border regions (integration type, adaptation type, isolation type) based on an analysis of the nature of the territory's ties with the outside world.

Conclusion. Effective regional policy under the new conditions requires not a change of instruments but a rethinking of goals. In contrast to unified models, the study substantiates the need to differentiate tasks depending on the type of border region. For integration regions, the priority is the preservation and transformation of ties; for adaptation regions, flexibility and the ability to restructure; for isolation regions, the search for internal sources of development. The obtained results can serve as a basis for adjusting the development strategies of border regions and improving the mechanisms of state regulation.

Keywords: *regional policy, border regions, goal setting, transformation, new challenges, typology of regions, economic security*

For citation: Izmailova I.V., Vertakova Yu.V. Regional policy in border territories: Transformation of goal setting in the context of new challenges. *Ekonomika i upravlenie = Economics and Management*. 2026;32(5): 560-569. (In Russ.). <http://doi.org/10.35854/1998-1627-2026-5-560-569>

Введение

Приграничные регионы Российской Федерации (РФ) в течение последних лет оказались в эпицентре кардинальных изменений, вызванных комплексом внешних и внутренних факторов. Углубление трансграничного сотрудничества, рост взаимозависимости национальных экономик, формирование совместных производственных цепочек — эти устойчивые тренды, определявшие развитие приграничных территорий на протяжении последних десятилетий, сегодня подвергаются масштабному пересмотру. Указанные изменения обусловлены комплексом внешних

факторов. Последние кардинально изменили условия функционирования этих территорий.

Геополитическая турбулентность, масштабное санкционное давление со стороны недружественных государств и переформатирование внешнеэкономических связей сформировали принципиально иную среду в отношении приграничья. Как следствие, для многих приграничных регионов контактная граница, ранее служившая источником развития, интеграции и дополнительных конкурентных преимуществ, трансформирована в барьерную, разделяющую и защищающую. Концептуальный сдвиг находит отражение в новой Стратегии пространственного развития РФ,

в которой к ключевым вызовам отнесены рост геополитической напряженности, переориентация внешней торговли и необходимость развития экономики предложения¹.

В этой связи возникает закономерный вопрос: как именно должна трансформироваться региональная политика, чтобы адекватно отвечать новым реалиям? Ответ на него содержится в глубоком пересмотре целеполагания, поскольку задачи, поставленные перед регионами в 1990-е или 2000-е гг., сегодня либо в полной мере утратили актуальность, либо требуют корректировки с учетом изменившихся условий.

На протяжении длительного времени региональная политика в России пребывала в состоянии концептуального вакуума, и на это неоднократно обращали внимание исследователи данной темы. Как справедливо указано в коллективной монографии «Политика регионального развития в современной России», отсутствие четких дефиниций ключевых категорий регионалистики неизбежно размывает содержание политики, лишая ее необходимой инструментальной определенности [1, с. 9]. Для приграничных территорий, специфика которых в течение продолжительного периода не находила должного отражения в стратегических документах федерального и регионального уровней, эта проблема видится особенно острой. Ситуация начала изменяться лишь за последние годы: новые геополитические реалии потребовали выработки иных, более гибких и адаптивных подходов к управлению приграничным развитием.

При этом, как утверждает в научной литературе, трансформация региональной политики происходит неравномерно во времени и в пространстве, что создает дополнительные вызовы для региональных властей. Отечественные авторы все чаще обращаются к проблематике изменения региональной политики приграничья, наблюдая глубинные сдвиги в природе трансграничного сотрудничества. К. Ю. Волошенко обоснованно полагает, что контактная функция границы для многих приграничных регионов уступила место барьерной, и это напрямую изменяет логику их социально-экономического развития, требует пересмотра сложившихся моделей взаимодействия с сопредельными государствами [2, с. 93].

Такой вывод перекликается с позицией М. А. Мекина, согласно которой выбор эффективных механизмов региональной политики определен сложным сочетанием институциональной среды, исторически сложившихся связей и текущей геополитической ситуации. Каждый из этих факторов может оказывать и стимулирующее, и сдерживающее воздействие [3, с. 70–71].

Существенное дополнение в эту дискуссию вносит цифровая трансформация. Современные информационно-коммуникационные технологии способны если не устранить, то существенно компенсировать барьерность физической границы за счет развития виртуальных каналов взаимодействия, трансграничной электронной торговли и удаленной занятости [4, с. 95]. Более того, динамика распространения мобильного интернета в приграничных регионах формирует новую, нетрадиционную конфигурацию связей, не всегда совпадающую с исторически сложившимися экономическими и культурными кластерами [5, с. 158–160].

Из вышеизложенного следует, что региональные власти сталкиваются с необходимостью не только пересмотра целевых ориентиров, но и освоения новых инструментов и технологий управления. Особую значимость в данном контексте приобретает учет муниципального уровня, поскольку, как убедительно показано в диссертационном исследовании В. В. Лазаревой, именно на таком уровне наиболее остро проявляются позитивные и негативные эффекты приграничного положения [6, с. 46]. В стратегировании пространственных изменений возрастает роль макрорегиональной, региональной и муниципальной составляющих. Основу целеполагания должны составлять не абстрактные целевые показатели, а конкретные параметры устойчивого экономического роста, технологической модернизации и национальной безопасности [7, с. 2642–2643].

Закрепленные в обновленной Стратегии пространственного развития новации РФ исследователями А. Г. Дружининым и В. А. Колосовым охарактеризованы как существенные: ключевыми из них стали выделение опорных населенных пунктов в качестве точек роста и усиление внимания к синхронизации акваториального и территориального планирования, что особенно важно

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 31.03.2026).

для приморских приграничных регионов [8, с. 49–50]. Как утверждает Е. М. Бухвальд, данный документ впервые системно учитывает интересы регионов разного типа, включая приграничные, что создает необходимую правовую основу для дифференциации региональной политики [9].

Н. В. Зубаревич пишет о том, что приграничные регионы находятся в особо уязвимом положении. Причина — разрушение прежних кооперационных связей и вынужденный поиск новых деловых партнеров и рынков сбыта в условиях санкций [10, с. 230–231]. Уязвимость проявляется не только в экономике (падение производства), но и в социальной сфере, влияя на занятость, доходы и общее социальное самочувствие жителей приграничья.

Выявленные проблемы характерны не только для России. Мировой опыт подтверждает, что трудности развития приграничных территорий носят повсеместный характер и наблюдаются в разных странах. Так, по данным Организации экономического сотрудничества и развития, отставание приграничных районов Европейского союза от внутренних по производительности труда достигает 15–20 %. Это говорит о системном характере проблем, для решения которых требуются особые инструменты и подходы¹.

В развитие этого тезиса Й. Куровска-Пыш, Э. Медейрос и Х. Бём в своей монографии, посвященной управлению трансграничными проектами, обосновывают концепцию устойчивости (*resilience*) как основополагающего принципа организации приграничного сотрудничества в постпандемийный период, при котором традиционные формы взаимодействия столкнулись с беспрецедентными ограничениями [11]. Конкретизируя проблему барьеров, Р. Капелло и соавторы в процессе исследования физических, институциональных и культурных барьеров в европейских приграничных регионах заключают, что именно институциональные барьеры оказывают наиболее существенное негативное влияние на интенсивность трансграничного сотрудничества [12].

Полученные зарубежными авторами результаты перекликаются с предложенным в настоящей статье пониманием адаптационного потенциала как ключевой характеристики современных приграничных терри-

торий, определяющей их способность противостоять внешним шокам и использовать открывающиеся возможности. Однако, как показывает анализ отечественной литературы, системное изучение эволюции целеполагания применительно к приграничным регионам до сих пор не проведено. В научной литературе, например в работах Т. Н. Тополевой [7], представлена общая периодизация региональной политики, включающая в себя основные этапы ее эволюции в постсоветский период, но специфика приграничных территорий в ней не учитывается. Это создает пробел как в теоретическом осмыслении проблемы, так и в практической выработке рекомендаций для органов государственной власти.

Настоящее исследование призвано восполнить данный пробел, предлагая концептуальную рамку для анализа трансформации целеполагания в региональной политике приграничных регионов. Авторский вклад в развитие проблематики связан с обоснованием трех этапов эволюции целеполагания (выравнивания, стимулирования, адаптации), разработкой типологии приграничных регионов посредством анализа характера их связей с внешним миром и способности адаптироваться к изменениям, а также с систематизацией ключевых факторов трансформации целеполагания. В отличие от исследований, рассматривающих эти факторы изолированно, в статье нами показана их системная увязка с этапами эволюции целеполагания. Такой подход позволяет перейти от унифицированных моделей региональной политики к дифференцированным управленческим решениям, учитывающим специфику каждого типа регионов.

Теоретическая основа

Теоретическую базу составляют концепции региональной политики и пространственного развития, а также теории приграничного сотрудничества. Региональная политика понимается как система целей и действий государства по регулированию социально-экономического развития территорий, направленная на выравнивание межрегиональных различий, стимулирование роста и обеспечение безопасности.

¹ Building More Resilient Cross-border Regions: Considerations in Governance and Partnerships: report // OECD. December 18, 2024. URL: https://www.oecd.org/en/publications/building-more-resilient-cross-border-regions_d5fd3e59-en.html (дата обращения: 31.03.2026).

В литературе выделяют два типа такой политики: выравнивающий (патерналистский), ориентированный на сглаживание различий и поддержку депрессивных территорий через межбюджетные трансферты; стимулирующий (конкурентный), нацеленный на «точки роста» и использование преимуществ наиболее перспективных регионов [7, с. 2645–2646]. Логика в данном случае приобретает особое значение для приграничных территорий, при этом ключевой категорией становится функция границы. Выделяют две роли.

Контактная превращает границу в «мост» между государствами, способствуя трансграничным связям. Барьерная разделяет пространства и обеспечивает безопасность [2, с. 93]. Соотношение этих функций является динамичным, определяет положение приграничного региона. В условиях геополитической турбулентности контактная функция нередко трансформируется в барьерную, что требует пересмотра целей региональной политики и поиска новых форм сотрудничества. Траектории изменений различаются в регионах.

В ответ на это в течение последних лет в дискурс входит понятие «адаптационный потенциал», то есть способность территории перестраивать экономические, институциональные и социальные связи при внешних вызовах, сохраняя главные параметры функционирования [3, с. 71]. Адаптационный потенциал приграничных регионов обусловлен географическим положением, структурой экономики, диверсификацией производства, качеством институциональной среды, уровнем человеческого капитала и исторически сложившимися связями.

Особую роль выполняет цифровая трансформация, позволяющая частично компенсировать барьерность физической границы через виртуальные каналы, в частности трансграничную электронную торговлю, удаленную занятость, онлайн-образование и цифровые платформы [4, с. 100; 5, с. 158]. Это открывает новые возможности даже в условиях ужесточения пограничного режима и санкций, а адаптационный потенциал развивается благодаря государственной политике, инвестициям в человеческий капитал и цифровую инфраструктуру.

Однако приграничные регионы очень неоднородны: они различаются по интенсивности трансграничных связей, зависимости от внешних рынков, способности к адаптации,

качеству институциональной среды и уровню человеческого капитала. Это предопределяет необходимость классификации, которая должна опираться не на статичные показатели (например, валовой региональный продукт на душу населения), а на динамические характеристики, отражающие способность региона к трансформации.

В условиях высокой неопределенности традиционные подходы, ориентированные на плановые показатели, недостаточно эффективны. Поэтому в исследовании предлагается типология, основанная на анализе характера связей территории с внешним миром и ее адаптационных возможностей, что помогает точнее определять приоритеты региональной политики.

Результаты и обсуждение

Прежде чем перейти к типологии, рассмотрим эволюцию целеполагания в региональной политике, в которой формировались предпосылки для дифференциации подходов к приграничным территориям. В России выделяют три этапа такой трансформации. Каждый из них стал ответом на вызовы своего времени и отражал представления о роли государства, а также о месте и функциях приграничных регионов в национальной экономике.

Первый этап — выравнивание (1990-е — начало 2000-х гг.). Главной задачей государства в этот период было не допустить чрезмерного расслоения регионов, возникшего после распада СССР, либерализации цен и приватизации. Наиболее сложный период пережили территории, на которых локализованы предприятия промышленного комплекса, не сумевшие быстро адаптироваться к рыночным условиям и потерявшие традиционные рынки сбыта [1, с. 12]. Применительно к приграничным территориям это означало поддержку наиболее проблемных из них, независимо от их геополитического положения и потенциальных конкурентных преимуществ.

Главным инструментом государственной политики выступали межбюджетные трансферты, а цели формулировали в терминах «сглаживание различий», «поддержка депрессивных территорий» и «выравнивание бюджетной обеспеченности». В этот период в России преобладал именно выравнивающий тип региональной политики, при котором приграничные регионы рассматривали

не как источники дополнительных конкурентных преимуществ, а как объекты социальной поддержки [7, с. 2645]. Такой подход, при всей его социальной значимости, не способствовал раскрытию потенциала приграничных территорий и зачастую консервировал их депрессивное состояние.

Второй этап — стимулирование (середина 2000-х — 2020-е гг.). С укреплением рыночных институтов и экономическим ростом обнаружена ограниченность выравнивающей политики: она не раскрывала потенциал регионов, не порождала стимулов к развитию. На смену ей пришла стимулирующая политика, реализуемая через налоговые и таможенные льготы, особые экономические зоны (ОЭЗ), территории опережающего развития, государственный заказ и инфраструктурные проекты [7, с. 2646].

Приграничные регионы в этот период стали воспринимать в качестве драйверов роста именно с учетом близости к внешним рынкам. Для них разработаны новые институциональные инструменты: ОЭЗ различных типов (промышленно-производственные, туристско-рекреационные, портовые), территории опережающего социально-экономического развития, свободный порт «Владивосток». Двойственная природа этих территорий проявилась особенно отчетливо: с одной стороны, они служат полигоном для апробации механизмов взаимодействия национальной и мировой экономик; с другой — ввиду повышенной уязвимости становятся индикаторами эффективности этих инструментов [13].

Период отличался оптимистическим взглядом на интеграцию и открытость, но риски, связанные с зависимостью от внешнеэкономической конъюнктуры, были учтены не в полной мере. Логическим продолжением второго этапа стал третий, кардинально изменивший контекст функционирования приграничных регионов.

Третий этап — адаптация (с 2022 г. по настоящее время). Прежние цели стимулирования, ориентированные на максимальную интеграцию в глобальные цепочки создания стоимости, сталкиваются с новыми жесткими ограничениями, связанными с санкционным давлением, разрывом логистических и кооперационных связей, а также переориентацией внешней торговли на новые рынки.

В новой Стратегии пространственного раз-

вития РФ прямо указано, что к числу факторов нестабильности отнесены рост геополитической напряженности, переориентация внешней торговли на дружественные страны, развитие экономики предложения, вхождение в состав России новых субъектов¹. Данные изменения находят отражение в трансформации функций границы. По мнению К. Ю. Волошенко, для многих приграничных регионов контактная граница практически в полной мере трансформирована в барьерную, а в их геостратегической роли стала доминировать военно-политическая составляющая, что требует принципиально иных подходов к управлению [2, с. 91].

Как следствие, целеполагание на этом этапе приобретает двойственный, противоречивый характер: с одной стороны, необходимо сохранить достигнутые позиции, не допустить деградации экономики и социальной сферы, с другой — найти новые источники развития, адаптироваться к изменившимся условиям, перестроить производственные и логистические цепочки. Рассматриваемый этап отличается высокой неопределенностью, что требует от региональных властей гибкости, оперативности и готовности осваивать новые инструменты развития. Для эффективных действий нужно четко понимать ключевые факторы, формирующие обновленный контекст функционирования приграничных регионов РФ.

Геополитическая турбулентность изменяет характер отношений с сопредельными государствами: от свертывания сотрудничества с недружественными странами до активизации взаимодействия с новыми партнерами. Разрыв сложившихся кооперационных цепочек требует кардинальной перестройки экономики, поиска альтернативных поставщиков и новых рынков сбыта [10, с. 231]. Этот сложный процесс растянут во времени; под его воздействие попадают крупные предприятия, малый и средний бизнес, оказавшийся в наиболее уязвимом положении. Наряду с экономическими вызовами, существенную роль играет институциональная неопределенность, обуславливающая потребность в гибком правовом регулировании и способности оперативно адаптировать нормативную базу, что особенно вызывает сложности в условиях санкций и импортозамещения [3, с. 71].

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 31.03.2026).

Типология приграничных регионов и траектории их развития
Table 1. Typology of border regions and their development trajectories

Тип	Характеристика	Потенциальная траектория изменения роли
Интеграционный	Высокая интенсивность трансграничных связей, преобладание контактной функции, устойчивые институциональные связи	Усиление интеграционных позиций, превращение в «мост» между экономиками, формирование трансграничных кластеров
Адаптационный	Умеренная интенсивность связей, способность к трансформации, гибкость институциональной среды	Вариативная: от усиления интеграции до перехода к изоляции, в зависимости от внешних условий
Изоляционный	Низкая интенсивность связей, преобладание барьерной функции, слабая институциональная среда	Консервация периферийного положения, возможный переход к адаптации при изменении геополитической ситуации

Источник: составлено И. В. Измалковой.

Завершают характеристику складывающейся ситуации социальные факторы: миграционные процессы, трансформация занятости, рост социальной напряженности, необходимость сохранения стабильности. Они особенно значимы в регионах с высокой плотностью населения вдоль границы и большой долей приграничной торговли в доходах населения [6, с. 46].

Перечисленные факторы действуют одновременно и взаимосвязанно, формируя сложный комплекс вызовов и возможностей. Однако степень их влияния и способность территорий адаптироваться существенно варьируются, поскольку приграничные регионы не образуют однородной группы. Это предопределяет необходимость индивидуального, дифференцированного подхода к выработке региональной политики. С учетом анализа характера связей территории с внешним миром и способности адаптироваться к изменениям нами предложена типология, включающая в себя три основных типа приграничных регионов, как следует из таблицы 1.

Представленные в таблице 1 типы приграничных регионов различаются по характеру связей с внешним миром, адаптационному потенциалу и возможным траекториям развития.

Интеграционный тип отличается высокой интенсивностью трансграничных связей, преобладанием контактной функции границы и высоким адаптационным потенциалом. Потенциальная траектория — усиление интеграционных позиций, превращение в «мост» между экономиками, формирование трансграничных кластеров и совместных предприятий.

Адаптационный тип характеризуется умеренной интенсивностью связей, способностью к трансформации и средним адаптационным потенциалом. Траектория вариативна: от усиления интеграции (при благоприятной

конъюнктуре) до перехода к изоляции (при ухудшении геополитической ситуации) в зависимости от внешних условий и качества управления.

Изоляционный тип имеет низкую интенсивность связей, преобладание барьерной функции границы, слабую институциональную среду и низкий адаптационный потенциал. Потенциальная траектория — консервация периферийного положения, но при изменении геополитической ситуации и целенаправленной государственной политике возможен переход к адаптационному типу.

Предложенная типология смещает акцент с формальных показателей (среди них — дотационность, бюджетная обеспеченность) на содержательные характеристики связей региона с внешним миром. Новая Стратегия пространственного развития РФ впервые учитывает планы взаимодействия с дружественными соседними государствами [8, с. 50], что требует активного замещения выпавших партнерских связей новыми.

Адаптационные регионы не утратили внешних связей, но не могут полагаться на них с прежней уверенностью. Их главный ресурс — способность к быстрой перестройке, поиску новых ниш и смягчению внешних шоков через внутреннюю диверсификацию. Для них необходима модель политики, основанная на постоянном мониторинге, оперативной корректировке планов и механизмах раннего предупреждения кризисов [14]. Целеполагание при этом должно ориентироваться на гибкость, формирование резервов и развитие институтов, способных работать в условиях неопределенности.

В изоляционных регионах доминирует барьерная функция границы. Приоритеты смещены во внутреннее пространство: развитие производства на базе местных ресурсов, импортозамещение, создание

рабочих мест, снижение социальной напряженности. Стратегия предусматривает снижение экономической зависимости от недружественных государств и опору на собственные силы¹. Изоляцию не следует рассматривать как норму: необходимо сохранять инфраструктуру, инвестировать в человеческий капитал и диверсифицировать экономику, чтобы при изменении ситуации регион был готов восстановить трансграничные связи.

Предлагаемая типология соотносится с выводами других исследователей, но вносит ряд уточнений. Т. Н. Тополева обосновывает необходимость сочетания выравнивающей и стимулирующей политики, однако недостаточно внимания уделяет адаптационной составляющей, ключевой в условиях высокой неопределенности [7]. Н. В. Зубаревич делает акцент на уязвимости приграничных регионов и анализирует последствия разрыва кооперационных связей, но не предлагает инструментов дифференциации политики в зависимости от типа региона и его адаптационного потенциала [10]. Зарубежные исследования, в том числе работа Р. Капелло и соавторов [12], подтверждают необходимость контекстно ориентированных подходов, но их внимание сосредоточено в основном на институциональных аспектах, без учета экономических и социальных факторов.

Предлагаемый подход, базирующийся на классификации приграничных регионов по характеру внешних связей и способности к адаптации, позволяет восполнить выявленные пробелы и обосновать необходимость дифференцированных инструментов регионального управления. Дальнейшее развитие темы в контексте исследования предполагает эмпирическую проверку на данных определенных регионов для уточнения классификации и формулировки практических рекомендаций.

Выводы

Определение того, какой должна быть региональная политика в новых реалиях, не сводится к перечню инструментов или корректировке финансирования. Напротив, требуются концептуальный пересмотр целей, признание того, что универсальные рецепты не работают, и готовность к диффе-

ренциации подходов в зависимости от типа приграничного региона, характера вызовов и адаптационного потенциала.

Приведенная периодизация помогает проследить, каким образом региональная политика отвечала на вызовы своего времени. В 1990-е — начале 2000-х гг. главным вызовом стала угроза чрезмерной дифференциации и социальной дестабилизации; ответом был этап выравнивания на основе межбюджетных трансфертов. Затем, по мере укрепления рыночных институтов, на первый план вышло использование конкурентных преимуществ регионов. Иными словами, начался этап стимулирования, связанный с созданием преференциальных режимов и поддержкой «точек роста». Сегодня этап адаптации формируется под влиянием геополитической турбулентности, санкционного давления и цифровой трансформации, то есть факторов, которые изменили контекст функционирования приграничных регионов и требуют принципиально новых подходов к управлению.

Ключевая идея исследования состоит в том, что эффективная региональная политика должна одновременно решать три типа задач: поддерживать отстающие территории (выравнивающая функция), стимулировать точки роста (стимулирующая функция) и помогать приграничным регионам адаптироваться к быстро изменяющимся условиям (адаптационная функция). Сочетание указанных задач в каждом регионе будет разным, и именно такого рода дифференциация становится главным вызовом для регионального управления. Достоинство принять этот вызов призвана разработанная типология (интеграционные, адаптационные, изоляционные регионы), которая дает возможность перейти от абстрактных рассуждений к конкретным рекомендациям. Вместо привычного разделения на «благополучные» и «проблемные» территории она предлагает инструмент, основанный на анализе связей региона с внешним миром и их динамике.

Практическая значимость исследования заключается в возможности использования его результатов при корректировке стратегий развития приграничных регионов, а также при совершенствовании инструментов региональной политики на федеральном и региональном уровнях. Направления

¹ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года: утв. распоряжением Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // Правительство России: офиц. сайт. URL: <http://government.ru/docs/all/157308/> (дата обращения: 31.03.2026).

будущих исследований связаны с операционализацией предложенных конструкций, разработкой методического инструментария для эмпирического анализа (включая систему индикаторов для идентификации типа региона и оценки его адаптационного потен-

циала), а также с апробацией разработанного подхода на данных ряда регионов РФ. Особенно перспективным представляется исследование взаимосвязи между типом региона и эффективностью различных инструментов региональной политики.

Список источников

1. Политика регионального развития в современной России: приоритеты, институты и инструменты: монография / отв. ред. Е. М. Бухвальд. М.: Институт экономики РАН, 2018. 250 с.
2. Волошенко К. Ю. Изменение роли приграничных регионов в обеспечении экономической безопасности России // Научные труды. Институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2024. Т. 22. № 1. С. 91–115. <https://doi.org/10.47711/2076-3182-2024-1-91-115>
3. Мекин М. А. Приграничное сотрудничество регионов сопредельных стран: понятие, формы, модели // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 6-5. С. 68–74. <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.148>
4. Михайлова А. А. Трансграничная цифровизация Западного побережья России: потенциал и перспективы // Балтийский регион. 2022. Т. 14. № 1. С. 90–108. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-6>
5. Михайлова А. А., Хвалей Д. В. География мобильного интернета в приграничных регионах России // Балтийский регион. 2023. Т. 15. № 3. С. 140–166. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-8>
6. Лазарева В. В. Особенности устойчивого развития муниципальных образований приграничного региона: дис. ... канд. экон. наук. Екатеринбург, 2019. 259 с.
7. Тополева Т. Н. Приоритеты политики пространственного развития России в условиях новых вызовов: региональный аспект // Экономика, предпринимательство и право. 2022. Т. 12. № 10. С. 2641–2654. <https://doi.org/10.18334/epp.12.10.116413>
8. Дружинин А. Г., Колосов В. А. Стратегия пространственного развития России на период до 2030 года: новации и нерешенные задачи // Проблемы прогнозирования. 2025. № 4. С. 47–57. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-47-57>
9. Бухвальд Е. М. Российский федерализм и новая стратегия пространственного развития // Проблемы развития территории. 2025. Т. 29. № 5. С. 32–43. <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.5.139.2>
10. Зубаревич Н. В. Регионы России в новых экономических условиях // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 226–234. <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
11. Kurowska-Pysz J., Medeiros E., Böhm H. Managing cross-border projects towards more resilient cooperation in borderlands. The post-pandemic perspective. Berlin: Logos Verlag, 2024. 254 p. <https://doi.org/10.30819/5775>
12. Rahman M. A., Hossain M. Z., Rahaman K. R. Discerning resilience in the global North: A comparative analysis of policy adoption and its applicability to Bangladesh's context // GeoJournal. 2025. Vol. 90. No. 2. Article 51. <https://doi.org/10.1007/s10708-025-11297-6>
13. Лазарева В. В., Власова Н. Ю. Региональная политика в отношении приграничных территорий // Научные труды Вольного экономического общества России. 2024. Т. 247. № 3. С. 265–287. <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-247-3-265-287>
14. Перспективы социально-экономического развития приграничных регионов: материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. (Петрозаводск, 4–6 октября 2023 г.) / отв. ред. Т. В. Морозова, Н. Г. Колесников. М.: Первое экономическое издательство, 2023. 276 с. <https://doi.org/10.18334/9785912924927>

References

1. Bukhvald E.M., ed. Regional development policy in modern Russia: Priorities, institutions, and instruments. Moscow: Institute of Economics, Russian Academy of Sciences; 2018. 250 p. (In Russ.).
2. Voloshenko K.Yu. Changing role of border regions in ensuring Russia's economic security. *Nauchnye trudy: Institut narodnokhozyaistvennogo prognozirovaniya RAN = Scientific Articles: Institute of Economic Forecasting. Russian Academy of Sciences.* 2024;22(1): 91-115. (In Russ.). <https://doi.org/10.47711/2076-3182-2024-1-91-115>
3. Mekin M.A. Cross-border cooperation of regions of neighboring countries: Concept, forms, models. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Research Journal.* 2021;(6-5):68-74. (In Russ.). <https://doi.org/10.23670/IRJ.2021.108.6.148>
4. Mikhaylova A.A. Cross-border digitalization of the Western border of Russia: Potential and prospects. *Baltic Region.* 2022;14(1):90-108. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-6> (In Russ.: *Baltiiskii region.* 2022;14(1):90-108. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2022-1-6>).

5. Mikhaylova A.A., Hvalej D.V. Geography of the mobile Internet in the border and interior regions of Russia. *Baltic Region*. 2023;15(3):140-166. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-8> (In Russ.: *Baltiiskii region*. 2023;15(3):140-166. <https://doi.org/10.5922/2079-8555-2023-3-8>).
6. Lazareva V.V. Features of sustainable development of municipalities in the border region. Cand. econ. sci. diss. Ekaterinburg, 2019. 259 p. (In Russ.).
7. Topoleva T.N. Priorities of the spatial development policy of Russia amidst new challenges: Regional aspect. *Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo = Journal of Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;12(10):2641-2654. (In Russ.). <https://doi.org/10.18334/epp.12.10.116413>
8. Druzhinin A.G., Kolosov V.A. Spatial development strategy for Russia up to 2030: Innovations and tasks for solution. *Studies on Russian Economic Development*. 2025;36(4): 466-473. <https://doi.org/10.1134/S1075700725700194> (In Russ.: *Problemy prognozirovaniya*. 2025;(4):47-57. <https://doi.org/10.47711/0868-6351-211-47-57>).
9. Bukhvald E.M. Russian federalism and a new spatial development strategy. *Problemy razvitiya territorii = Problems of Territory's Development*. 2025;29(5):32-43. (In Russ.). <https://doi.org/10.15838/ptd.2025.5.139.2>
10. Zubarevich N.V. Regions of Russia in the new economic realities. *Zhurnal Novoi ekonomicheskoi assotsiatsii = Journal of the New Economic Association*. 2022;(3):226-234. (In Russ.). <https://doi.org/10.31737/2221-2264-2022-55-3-15>
11. Kurowska-Pysz J., Medeiros E., Böhm H. Managing cross-border projects towards more resilient cooperation in borderlands. The post-pandemic perspective. Berlin: Logos Verlag; 2024. 254 p. <https://doi.org/10.30819/5775>
12. Rahman M.A., Hossain M.Z., Rahaman K.R. Discerning resilience in the global North: A comparative analysis of policy adoption and its applicability to Bangladesh's context. *GeoJournal*. 2025;90(2):51. <https://doi.org/10.1007/s10708-025-11297-6>
13. Lazareva V.V., Vlasova N.Yu. Regional policy in relation to border areas. *Nauchnye trudy Vol'nogo ekonomicheskogo obshchestva Rossii = Scientific Works of the Free Economic Society of Russia*. 2024;247(3):265-287. (In Russ.). <https://doi.org/10.38197/2072-2060-2024-247-3-265-287>
14. Morozova T.V., Kolesnikov N.G., eds. Prospects for the socio-economic development of border regions. Proc. 8th Int. sci.-pract. conf. (Petrozavodsk, October 4-6, 2023). Moscow: Pervoe ekonomicheskoe izdatel'stvo; 2023. 276 p. <https://doi.org/10.18334/9785912924927>

Информация об авторах

Ирина Валерьевна Измалкова

кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры учета и информационных
технологий в бизнесе

Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации (Липецкий филиал)
398050, Липецк, Интернациональная ул., д. 126
SPIN-код: 5501-6010

Юлия Владимировна Вертакова

доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры маркетинга и брендинга
Российский государственный гуманитарный
университет

125047, Москва, Миусская пл., д. 6

Поступила в редакцию 17.04.2026
Прошла рецензирование 05.05.2026
Подписана в печать 27.05.2026

Information about the authors

Irina V. Izmalkova

PhD in Economics, Associate Professor,
Associate Professor at the Department
of Accounting and Information Technologies
in Business

Financial University under the Government
of the Russian Federation (Lipetsk Branch)
12B Internatsionalnaya St., Lipetsk 398050, Russia
SPIN: 5501-6010

Yulia V. Vertakova

D.Sc. in Economics, Professor, Professor
at the Department of Marketing and Branding
Russian State University for the Humanities

6 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia

Received 17.04.2026
Revised 05.05.2026
Accepted 27.05.2026

Конфликт интересов: авторы декларируют отсутствие конфликта интересов,
связанных с публикацией данной статьи.

Conflict of interest: the authors declare no conflict of interest
related to the publication of this article.